

Пальцы Чжан Синчжи, сжимавшие палочки для еды, побелели. Вчера в ожидании он тщательно изучил в интернете информацию о блокаторах. Оказалось, они далеко не так просты, как многие думают. На самом деле большинство людей не могут завершить полный курс лечения из-за слишком сильных побочных эффектов. Головокружение, тошнота, упадок сил — это лишь самые легкие симптомы.

Блокаторы серьезно влияют на обмен веществ, пищеварительную систему и внутренние органы, особенно на печень. А у Чжун И и без того проблемы со сном...

— Сегодня днем ты тоже пойдешь со мной в больницу, — нахмурившись, произнес Чжан Синчжи.

Чжун И левой рукой прижимался к виску, а правой медленно подбирал рис из миски ко рту:

— Нет необходимости. Ты что, не уверен в себе?

Чжан Лео сидел рядом с пустой миской, слушая этот разговор в полном замешательстве. Его воображение уже унеслось за пределы города.

«Почему в больницу идет не больной, а его брат? И почему, глядя на состояние Чжун И, он чувствует, что тот словно... беременен? Неужели его брат не знает, что нужно использовать презервативы... Нет, у его брата раньше не было опыта, возможно, он действительно не подготовился дома... Вау... Неужели его брат просто не захотел использовать их ради собственного удовольствия?»

— Ц-ц, что с тобой происходит? Ты точно не притворяешься геем? — Цзи Хаочуань, глядя на человека, сидящего в углу танцевальной студии, просто не мог сдержать раздражения.

Сегодня, закончив тренировку с командой, он увидел, как этот парень крадучись зашел через дверь и поманил его с таким виноватым видом, что было очевидно: он что-то скрывает. Его странное поведение было точь-в-точь как у Ян Юаня, оба выглядели так, будто вот-вот заплачут.

Во время тренировки Цзи Хаочуань, не знавший жизненных трудностей, не раз в мыслях критиковал Ян Юаня. Тот танцевал лучше всех, но непонятно, зачем он вообще сюда приходил. Этот Лян его все равно не видел. Хвастаться? Если не нравится, то зачем приходить? И зачем делать такое лицо, словно я снова его обидел?

Но сейчас Лео сам был в замешательстве и не мог уделить внимание Ян Юаню на другом конце студии. Он чувствовал себя униженным и обиженным:

— Я действительно не знаю. Хотя я гей, но все эти годы я только и делал, что любил своего брата. У меня не было возможности узнать об этом больше, а у моего брата тоже не было возможности рассказать мне.

В этой огромной съемочной группе, несмотря на то что он был главным внештатным оператором, он не мог найти никого, кому мог бы излить свои переживания.

Цзи Хаочуань несколько раз цыкнул, глядя на его заплаканные глаза, но в итоге сел напротив него, скрестив ноги, и начал анализировать ситуацию:

— Так значит, Чжун И принял лекарства, а твой брат идет в больницу на обследование?

Лео кивнул. Он все еще был в растерянности и совершенно не понимал, что происходит.

— А следы на шее Чжун И явно появились вчера вечером? — спросил Цзи Хаочуань.

Лео, кивая с досадой, не забыл упрекнуть:

— Ты ведь в прошлый раз просто обманул меня, да? Это уже второй раз, когда я застаю Чжун И в доме моего брата на ночь. Ты говорил, что он не оставляет следов, но в прошлый раз он носил шелковый платок именно из-за моего брата.

«И переднее сиденье тоже! Он уже видел, как Чжун И сидит на переднем сиденье его брата. Сегодня он так уверенно шептал своему брату, а Чжун И сам все слышал. Это было так унижительно».

Говоря об этом, Цзи Хаочуань тоже не мог понять, как железные правила перестали работать в случае с братом Лео. Это было оскорблением для его десятилетнего внимательного наблюдения за Чжун И.

Он медленно произнес:

— Хотя я тоже не понимаю, почему Чжун И согласился, чтобы твой брат не использовал презервативы, но судя по текущей ситуации...

— Действительно ли это так? — Лео не смог сдержаться и перебил его, широко раскрыв заплаканные глаза.

Цзи Хаочуань уверенно кивнул:

— На 90% это так. Я знаю Чжун И, он никогда бы сам не попросил не использовать презервативы. У него в этом плане настоящая мания чистоты.

— Вау... Тогда... тогда мой брат просто ужасный человек, — Лео сразу не выдержал, чувствуя, как образ его брата в его глазах мгновенно рушится, и даже начал снова обращаться к Чжун И с уважением. — Он просто позволил учителю Чжун... позволил учителю Чжун забеременеть...

— Да... э? — Цзи Хаочуань, который собирался согласиться, что его брат ужасный, вдруг остановился на его последних словах и с недоумением спросил:

— Эй? Ты в порядке, братан? Забеременел — это серьезно?

Лео, уже потерявший рассудок и глядя влажными от слез глазами:

— Учитель Чжун выглядит так, будто его тошнит от всего, что он ест.

— Позже я заметил, что он часто держится за живот.

— И он сказал, что нет необходимости идти в больницу на обследование, спросил моего брата, уверен ли тот в себе.

Цзи Хаочуань замолчал.

Если бы не забота о чувствах Лео, Цзи Хаочуань бы аплодировал его логике:

— Брат, тебе нужно писать романы. Куда делись эти четыре года, что ты старше меня? Ты

действительно не знаешь, что такое блокаторы?

Лео поперхнулся.

В здании института.

Цзян Додо сидел в своем кабинете, чувствуя себя не в своей тарелке. Даже если Чжун И и угрожал ему, это еще не произошло. Почему же он тогда, в порыве эмоций, упомянул Цзоу Чао?

На самом деле он просто выглядел немного взволнованным. С тех пор как он произнес эти слова, он, даже продолжая злиться на Чжан Синчжи, чувствовал больше вины. Он даже чувствовал себя виноватым перед старой госпожой Чжан, тайно радуясь, что Чжан Синчжи смог перехватить Чжун И. У него было чувство, что если Чжун И так любит Чжан Синчжи, то пусть он проведет с ним ночь — это будет лучше, чем ничего.

— Так значит, вы все еще не хотите, чтобы учитель Чжан был связан с учителем Чжун?

Выслушав слова Чжоу Жуйя, своего «духовного наставника», декан Цзян угрюмо кивнул.

Увидев это, Чжоу Жуй, обладая опытом, щелкнул пальцами, привлекая внимание бармена, и заказал сладкий коктейль, который поставил перед своим начальником:

— Сладкий, не опьяняет, поднимет настроение.

— М-м... — Цзян Додо, принимая напиток, был одет в жилет, который совсем не сочетался с атмосферой бара 1977, но это не имело значения. Главное, чтобы деньги в его кошельке соответствовали месту.

Это был уже второй раз, когда Чжоу Жуйя вызывали сюда под предлогом консультации. Он прекрасно помнил, как в прошлый раз его здесь так сильно тошнило, что он чуть не потерял сознания. Сейчас он все еще мог почувствовать запах рвоты.

Если бы не желание заслужить расположение декана и вернуть утраченные привилегии, Чжоу Жуй ни за что не переступил бы порог этого места.

Но, несмотря на унижение, охота должна продолжаться.

Сейчас Чжоу Жуй, совершенно не осознавая серьезности ситуации, продолжал расспрашивать декана, одновременно оглядываясь по сторонам:

— Вы уже извинились перед учителем Чжун?

Цзян Додо, кусая трубочку, которую бармен вставил в его сладкий коктейль, покачал головой:

— Нет.

Чжоу Жуй не понял, но прежде чем успел спросить, увидел, как декан, привыкший командовать в институте, сморщился и проговорил:

— Мне страшно, я действительно боюсь...

Чжоу Жуй счел это преувеличением. Извиниться — это не так уж сложно:

— Учитель Чжун просто выглядит немного строгим, но с ним несложно найти общий язык. Вы просто сказали что-то не то. Если вам действительно неловко, просто извинитесь. Если не хотите звонить, напишите сообщение.

Но Цзян Додо продолжал пессимистично качать головой, и только после настойчивых попыток Чжоу Жуя он наконец открылся, произнеся классическую фразу:

— Я вам скажу, но никому не говорите.

Когда Цзян Додо начал описывать ситуацию, Чжоу Жуй все еще мог спокойно искать добычу в разных уголках 1977, думая, что из-за того, что это глушь и цены здесь высокие, в баре было много пожилых людей, и ни одного симпатичного молодого человека. Учитель Чжун и вовсе был недостижим.

«Эх, если бы он знал, что его уроки будут такими скучными, он бы попросил декана пригласить учителя Чжун помочь...»

<http://bllate.org/book/16822/1546621>